

Автор: Лукьянов О. (Россия)

Есть много способов становиться причастным к великим традициям. Один из них — рецензировать то, что написали другие. Когда своего собственного таланта для создания чего-то до конца недостаточно, берешься и за такую работу. Одна из традиций, с которой мне хотелось бы сохранять связь — традиция экзистенциальная. Поэтому я и рецензирую статьи. Поэтому и эту небольшую статью написал.

В современном мире, как известно, многое интенсивно меняется. Еще несколько лет назад, заходя в книжный магазин, я готов был купить половину книг и сожалел о том, что не располагаю временем прочитать все, что меня интересует. Сегодня я гораздо реже захожу в книжные магазины, и еще реже покупаю что-нибудь. Не соответствуют предлагаемые тексты моей жизни, не к месту, не ко времени. Рад был бы почитать что-нибудь как раньше, проживая, оставляя книгу навсегда в своей жизни. Не попадается.

Научные тексты устаревают еще быстрее. Исключения составляют тексты, принадлежащие великой традиции. Они актуальны до тех пор, пока жива традиция. Какие тексты принадлежат экзистенциальной традиции? Участвуя в работе редакционной коллегии журнала, мне приходилось знакомиться с работами многих авторов и кроме других вопросов, отвечать на вопрос о том, принадлежат ли они экзистенциальной традиции? В достаточно большом количестве случаев приходилось отвечать «нет». В этой связи может иметь смысл попытка систематизации критериев отнесения конкретных работ к экзистенциальной традиции. Следует признать, что эти критерии не могут исчерпать всей полноты вопроса и вполне может иметь место случай, когда не удовлетворяющие этим критериям работы, оказываются вполне экзистенциальными просто потому, что очень живые.

Чем отличается экзистенциальный дискурс от дискурса, принятого в большинстве научных журналов, и соответственно, в других традициях? Мне кажется, что отличие очень заметное и очень существенное.

Главное — направленность мышления. Экзистенциальный дискурс направлен от сущностей к существованию — от живости к жизни, от человечности к жизни человека. В академическом отношении, как правило, наоборот, автор движется от жизни (это в лучшем случае, а бывает, что он движется от теоретической проблемы), от существа вопроса к определению и объяснению сущности, то есть от человека к человечности, от культуры — к культурности, от психотерапевта — к психотерапевтичности и т.д.

Стоит ли спорить о том, как надо писать и думать, в каком направлении мыслить и писать лучше? Спорить не стоит. Но надо понимать, когда необходим экзистенциальный дискурс, а когда нет. Многие статьи авторов, которых еще недавно причисляли к классикам экзистенциализма, сегодня не читаются как экзистенциальные, потому что нет уже того человека, той культуры, той жизни, от которой они шли. Сегодняшний

читатель видит в этих статьях только сущности, категории, теории. Сегодня мало кого рассмешит мнение, встречающееся в текстах, о том, что экзистенциальный подход — это «такая теория личности». Я пробовал предложить это в качестве казуса. Не смеются. Не понимают, что экзистенциальный подход — это совсем не теория личности. Самое близкое отношение экзистенциального подхода и теорий личности (заметим, — любых) — это то, что экзистенциальный подход есть особого рода критика теорий вообще и конкретных теорий личности в частности. При этом, разумеется, речь идет о критике как ответственном понимании и условном принятии, а не огульном отвержении.

Для экзистенциального дискурса характерен вопрос к сущности явления и ответ от существа в терминах существования. Для неэкзистенциального дискурса — наоборот.

Экзистенциальный и неэкзистенциальный дискурс могут быть разделены достаточно четко, хоть и не в абсолютном, а относительном смысле. Работы К. Маркса в свое время для некоторых товарищей были текстами экзистенциального опыта. Они по ним жили свои жизни. А в Непале сегодня Маоисты находят в текстах четырех идиологов социализма больше экзистенциального смысла, чем в священных буддийских текстах. А американская молодежь 70-х, наоборот, читала буддистские тексты так, чтобы по ним жить.

В текстах, которые можно отнести к экзистенциальной традиции, имеют место следующие смыслы и формы речи:

Императив

В экзистенциальной традиции текст является вызовом, обладает интенцией и силой императива. Читатель отвечает тексту, а текст требует, призывает читателя к ответственности. В ином отношении, более характерном для академических, «корректных», «заботящихся о читателе» традициях, текст является ответом на вызов ситуации. Об этом свидетельствует, кроме всего прочего, обычай обосновывать актуальность проблемы в, так называемых, «научных» работах.

Субъективность

В экзистенциальной традиции автор, и вместе с ним читатель, если они «нашли друг друга» проявляют «мужество субъективности». И если встреча состоится, родится смысл, который со временем может быть объективирован. В неэкзистенциальной традиции субъективность выступает препятствием, а не существованием. Хорошая научная статья должна содержать объективные данные. Мы здесь не будем касаться того, насколько ценными являются эти объективные данные, но традиция есть традиция — ученый извиняется за то, что в его работе является просто «ля-ля», и настаивает на том, что является объективными данными. С этим связан и еще один аспект экзистенциалистских текстов — преимущество интерпретаций и осмыслений над поиском и представлением данных. В экзистенциальной традиции принято решать

такого типа задачи, которые подразумевают невозможность большого количества данных. Если данных не может быть много, то и методы решения таких задач должны соответствовать. Минимум техники — максимум смысла.

Повествование

В текстах экзистенциальной традиции повествование, нарратив, история и описание являются важной частью, служащей основанием для всей работы. В иных традициях большее место уделяется констатациям (даже если они гипотетические). В экзистенциальной традиции повествование — этап и основание для понимания, осмысления, переживания, принятия. Невозможно пережить без повествования. В иных научных жанрах повествование может быть опущено для экономии времени.

Объективность

В текстах экзистенциальной традиции объективность является всего лишь одним из аспектов действительности, иногда трудно достижимым. Объективность не отрицается и не фетишизируется. Объективность в экзистенциальной традиции — это риск. Мы рискуем объективируя мнения, мысли, чувства, переживания, восприятия. Поэтому объективность и объективация — не конец, а время принять решение. Объективность служит увеличению экзистенциальной открытости, как и все остальное. Поэтому в текстах экзистенциальной традиции нет доказательств, зато есть предложения. Но предложения должны быть жизненными, полезными, актуальными, точными.

В академической традиции если ученый получил объективные данные, сформулировал новые положения и гипотезы, он уже достиг результата. В экзистенциальной традиции не так. Надо еще довести дело до вызова, открыть новый горизонт, обозначить риск.

Специфику текстов экзистенциальной традиции можно выделить и на основании предмета и метода. В любом научном исследовании метод и предмет связаны. В зависимости от отрасли, проблемы и масштаба, предмет и метод уточняются.

В экзистенциальной традиции несколько иначе. Предметом и методом, как известно, в экзистенциальной традиции является экзистенция, то есть процесс обновления и становления конкретной жизни. Здесь важны не сами по себе предметы и методы, а система установок по отношению к ним. Мы можем взять результаты, полученные каким-либо анализом и рассмотреть их в пределах экзистенции, что откроет нам основания, перспективы, ограничения.

Экзистенциальная традиция не ограничивается текстами, написанными по результатам исследований, проведенных методом экзистенциального анализа. Все границы, на которых человек встречается с миром и бытием могут отражаться в научном

творчестве.

Например, можно ли в экзистенциальной традиции рассуждать о смене парадигм в методологии или о мифах в психотерапии? Можно, но важно понимать когда? К экзистенциальному дискурсу цепями не приковывают и мыслитель может расширять горизонты своего видения в любую сторону, при одном уже называвшемся условии — двигаться не от жизни к живущему существу и объединяющей его сущности, а от живущего существа, вместе с его сущностями, модусами, атрибутами и прочим, к жизни. Предметом, в конце концов, должна быть экзистенция, а не сами по себе парадигмы, мифы, и другие вещи из множества творимых человеческим умом.

Важна и установка по отношению к словам. В экзистенциальной традиции слова обладают особой важностью, как и все остальное парадоксальной. Они являются не средством выражения истины, а средством создания возможности переживания. Если слова не ведут к переживанию — это пустые слова и их можно было бы и не писать.

Понимание временности, динамики жизни. В экзистенциальной традиции времена созвучны, интегрированы. В линейном времени можно выделить последовательности, модели, этапы, стадии. В экзистенциальной традиции, чаще всего, выделяются фазы. Да, этапность, революционность, уровневость есть, но не сами по себе, а как некоторая траектория нашего возвращения к жизни. В экзистенциалистском дискурсе есть много требований, общих с другими. Например, так же как и в любой статье текст должен быть рационально сконцентрирован, в достаточной степени завершен, этически корректно составлен. Но это, скорее всего, не стоит специально обсуждать.

В завершении хочу заметить, что определить принадлежит ли конкретная работа к экзистенциальной традиции посредством формальной процедуры и технического применения критериев не возможно. Чаще всего, имеет место некоторая степень причастности к экзистенциальной традиции и некоторая степень отчужденности от нее. Именно эти степени и можно оценить при рецензировании статей. Так некоторые работы могут сделать честь любому журналу независимо от того, к какой традиции относит себя его редакционная коллегия. А некоторые работы могут быть приняты только в свете определенной традиции. Мы не должны забывать, что наше восприятие всегда искажает действительность.